

Чжун И, который в самом начале поинтересовался Эверестом, позже, даже если и не знал, что обозначают красные флажки, больше не задавал вопросов. На карте, разбросанные по всему миру красные флажки, большие и маленькие, насчитывались как минимум десять-двадцать, и спрашивать про каждый было просто невозможно.

Хотя он давно вернул учителю всю географию и не мог назвать точные названия этих мест, он интуитивно чувствовал, что это не обычные популярные туристические направления. Так продолжалось до тех пор, пока он не увидел маленький чёрный флажок, обведённый пунктирной линией, в северо-западной части Африки.

— Что это значит? — спросил Чжун И, задумчиво касаясь сложного рельефа вокруг, особенно крутых горных хребтов в центре.

Чжан Синчжи ответил:

— Место, куда я собирался поехать, но так и не смог, и с тех пор у меня больше не было возможности туда попасть.

Чжун И кивнул:

— Ты всё ещё хочешь туда поехать?

Чжан Синчжи непроизвольно взглянул на профиль Чжун И, заметив, что тот задал вопрос просто так, без особого умысла.

Он немного помолчал, пользуясь тем, что никто из понимающих людей не был рядом, и честно признался:

— Хочу.

Чжун И кивнул:

— Я тоже хочу.

Чжан Синчжи на мгновение застыл, собираясь спросить, знает ли тот, где это место, но Чжун И тут же добавил:

— Конечно, я имею в виду, что хотел бы несколько лет назад. Сейчас уже нет, теперь мне просто хочется оставаться дома, когда у меня есть свободное время. Уже не потяну.

— Дома тоже хорошо. Я сейчас тоже хочу просто оставаться дома, — мысленно посмеявшись над своей чрезмерной чувствительностью, Чжан Синчжи спросил. — Ты устал?

Чжун И моргнул, слегка улыбнулся и сказал:

— Пока не говорил, не замечал, но теперь, когда ты спросил, кажется, действительно немного устал.

— Но я не хочу убирать для тебя гостевую комнату.

— Хотя я и подлец, но раз уж я пришёл с тобой, у меня есть хоть немного понимания ситуации.

— Иди сначала на кровать, я приму душ и приду.

Когда Чжан Синчжи вышел из ванной, он думал, что Чжун И уже спит. Но едва он тихо приоткрыл одеяло, Чжун И, одетый в его пижаму, с закрытыми глазами придвинулся ближе. Его слегка вьющиеся длинные волосы рассыпались по подушке, и он с улыбкой спросил:

— Не пожалеешь, если просто уснёшь?

Чжан Синчжи, как всегда честный, ответил:

— Пожалее.

— На самом деле, если ты сейчас хочешь что-то сделать, я не против. В конце концов, я уже пообещал тебе, и гарантирую, что срок годности на одну ночь у меня есть.

Чжан Синчжи сказал:

— Я всё же хочу, чтобы ты хорошо выспался.

Чжун И рассмеялся, поддразнивая:

— На самом деле, после этого я бы спал ещё лучше.

Но Чжан Синчжи не поддался на провокацию, лишь сказал:

— Оставим на следующий раз.

Хотя, вероятно, это был последний раз.

— Бог говорит, что хорошие дети всегда удачливы. Может быть, действительно будет следующий раз... — Чжун И, прислонившись к широким плечам этого человека, почти уснул, его голос стал тише, а сонливость усиливалась.

В тот момент Чжан Синчжи ещё не знал, что Чжун И вовсе не шутил. Ведь он даже не мог представить, сколько раз человек в его объятиях уже молча нарушал для него свои правила. Он долго смотрел на изысканное лицо спящего Чжун И и непроизвольно поправил прядь волос, упавшую на его нос, убрал её за ухо.

Он не сказал, что ещё восемь лет назад, когда он впервые взял в руки камеру и прошёл по местам, отмеченным красными флажками, он перестал верить в богов.

«Мне не нужно, чтобы говорил бог. Мне нужно, чтобы говорил ты».

На следующий день человек, который обычно спал восемь часов и считал это достижением, проснулся только в полдень. Чжун И не мог вспомнить, когда в последний раз спал так крепко.

В комнате плотно задернутые шторы не пропускали свет, но рядом не было человека, который был там ночью.

Чжун И, редко чувствующавший себя так бодро, не стал залёживаться в постели и сразу встал. На нём была просторная пижама Чжан Синчжи, и он, небрежно откинув растрёпанные волосы назад, надел тапочки и вышел из комнаты, чтобы найти того.

Однако, выйдя из спальни и пройдя по коридору, он не нашёл Чжан Синчжи, а вместо этого обнаружил незнакомца.

Тот был одет в чёрную облегающую майку, его кожа имела здоровый смуглый оттенок, мускулы на руках были чётко очерчены. Короткие волосы, хотя и не такие короткие, как у Чжан Синчжи, были аккуратно подстрижены, создавая впечатление опрятного парня. Однако он выглядел довольно молодым. Он сидел на диване, что-то помечая на документах, а на столике рядом были разбросаны различные чертежи.

Услышав шаги, парень, не поднимая головы, крикнул:

— Брат, я немного изменил часть про горы, посмотри, как тебе.

Но тут он почувствовал что-то неладное. Шаги его брата звучали иначе, да и не должны были доноситься из спальни...

Парень резко поднял голову и увидел Чжун И, стоящего у стены коридора и скрестившего руки на груди. Они не знали друг друга, и между ними возникло напряжённое молчание.

В обычной ситуации парень сразу бы начал расспрашивать, что этот человек делает в доме его брата, ведь он никогда не видел здесь других гостей, кроме себя. Но пижама, которая так плохо сидела на Чжун И, принадлежала кому, он знал лучше всех...

Пижама Чжан Синчжи была простой, чёрно-белой, с длинными рукавами и штанами. Однако Чжун И заснул с расстёгнутыми пуговицами на груди, и все следы прошлого, включая следы поцелуев на его шее, оставленные кем-то, кто вчера вечером осмелел, были открыто видны. Обычная пижама на нём выглядела бесконечно двусмысленно, и их отношения были очевидны.

Теперь стало понятно, почему сегодня он не пошёл прямо в спальню, как обычно!

Парень, который никогда не получал разрешения оставаться на ночь, был в шоке. Его глаза прилипли к следам поцелуев, и враждебность была написана на его лице.

Чжун И, даже находясь на расстоянии, почувствовал запах ревности. Он поднял взгляд на человека, поднимающегося по лестнице, и с улыбкой сказал:

— Видимо, слухи о популярности учителя Чжана не врут. Ты всё больше меня удивляешь.

Услышав, что Чжан Синчжи подходит, парень тут же повернулся, чтобы подтвердить свои подозрения. Но прежде чем он успел произнести «брат», он увидел, как Чжан Синчжи направился прямо к тому человеку, не удостоив его даже взглядом, и спокойно сказал:

— Это просто мой младший брат. Ты голоден?

Парень раздался звук отчаяния:

— Хнык!

Я не хочу быть младшим братом...

— Голоден, — Чжун И, даже не умывшись, кивнул, потирая глаза. Неприбранные пряди волос раскачивались на его лице, создавая впечатление ленивой милоты.

Чжан Синчжи до сих пор помнил, как холодны были руки и ноги Чжун И прошлой ночью. Подойдя к нему, он первым делом застегнул пуговицы на его пижаме и сказал:

— Средства для умывания внутри. Еда уже готова, я как раз собирался разбудить тебя.

Парень снова застонал:

— Хнык-хнык-хнык!

Когда он видел, чтобы его брат был так нежен с кем-то? И сам застёгивал пуговицы! А как же его обещание, что он не интересуется мужчинами?

Младший брат, чьи эстетические предпочтения были полностью сосредоточены на «Чжан Синчжи», не мог понять, что такого привлекательного в этом мягком и слабом «Чжун И». Да ещё и с длинными волосами, он даже штатив не сможет держать!

Чжун И едва сдержал смех, глядя на выражение лица ребёнка в гостиной. Тот, кто ещё минуту назад был готов к битве с соперником, теперь, после слов Чжан Синчжи, смотрел на него с глазами, полными слёз.

Чжун И не двигался, позволяя человеку перед ним возиться с пуговицами, и намеренно подмигнул ребёнку:

— Не представишь?

— Он из моей студии, — сказал Чжан Синчжи, не оборачиваясь. — Лео, поздоровайся с учителем Чжун.

Лео, хоть и неохотно, всё же послушался:

— ...Здравствуйте, учитель Чжун... — хныкнул он.

Чжун И, забавляясь, спросил:

— Лео — это его настоящее имя?

На этот раз, не дожидаясь ответа брата, Лео сам ответил:

— Да, меня зовут Чжан Лео, я ношу фамилию брата!

Он ни за что не признается, что только что мысленно критиковал внешность этого человека, считая её недостаточно мужественной, а теперь был ошеломлён его улыбкой.

Совсем не привлекательно...

Услышав последние три слова, Чжун И всё понял, но прежде чем он успел что-то сказать, Чжан Синчжи спокойно вставил:

— Не будь таким невежливым, Чжан Лео.

И Чжун И увидел, как «собачонка», сидящая на диване и излучающая ревность, опустила уши, снова став послушной после лёгкого замечания Чжан Синчжи. Он извинился, и его уважение и страх перед Чжан Синчжи были очевидны.

Чжун И тут же поднял бровь:

— Не думал, что наш учитель Чжан такой строгий. Обычно он так мягок со студентами.

<http://bllate.org/book/16822/1546589>